

СНОБРОДЦЫ, ЗАВЕТ ВОДЫ И ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ МАЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

САЛМАН РУШДИ, «ГОРОД ПОБЕДЫ» (CORPUS)

Выхода нового романа Салмана Рушди на русском языке ждали несколько месяцев, с тех пор как появились английские анонсы и рецензии. Рушди — один из самых известных современных писателей мира, неподражаемый сназочник, реалист и гуманист. Атмосфера текстов Рушди пронизана звуками, запахами, красками, здесь легенды и мифы так же живы, как наши современники. «Город Победы», возможно, не лучший роман классика (до «Земли под ее ногами» или «Детей полуночи» трудно дотянуться даже их автору), но все же очень хороший, живой и самобытный. Перед нами снова фирменный магический реализм, эпическое полотно, яркие образы и воплощения в героях индийских богов. Действие романа разворачивается в империи Биснага, книга охватывает весь ее двухсотсорокалетний цикл — от зарождения до гибели. Все начинается с девятилетней девочки Пампы Нампаны, в которую вселяется дух богини Парвати: она создаст столицу будущего могущественного государства — тот самый вынесенный в название Город Победы — и проживет столько же, сколько существует ее творение. Страна вместе с ее жителями возникает из волшебных семян, брошенных в землю пастухами, а задача девочки — нашептать каждому человеку его личную историю. Рушди умеет сплести реальную историю (о Виджаянагарской империи и Городе Победы) и удивительный вымысел, рождая на глазах у изумленной публики совершенно новую индийскую мифологию, вписанную в мировой культурный контекст. Волшебный шепот становится самим веществом жизни, а долголетие героини — ее наградой и проклятием. Город процветает и живет благодаря силе и благородству женщин, это, конечно, феминистское высказывание писателя, но при этом лишенное дидактичности и назидательности. «Единственные победители — это слова», — говорит героиня незадолго до смерти, и даже если империя

в конце концов обречена, Салман Рушди вопреки обстоятельствам, невзирая на преследования и похищение, творит новые миры и каждой новой книгой побеждает.

«Их окружал лес, и он был полон звуков. Пело множество птиц, точно целый хор взлетел в небо, чтобы поприветствовать их – лесной болтун соловей-бюльбюль с желтой шейкой и рыжий трипи, можно было услышать птицу-портного, лесных ласточек и жаворонков, бородастиков, кукушек, были здесь маленькие лесные совы, попугаи и лесные вороны и множество других птиц, названий которых они не знали и думали, что это сказочные птицы, которых не существует в реальном мире. Ибо это был реальный мир, который был нереален, все законы реального мира были унесены здесь ветром, точно пыль, а если существовали иные, здешние законы, они были им неизвестны. Они прибыли в араджакту, место, где нет царей. Корона сделалась здесь просто ненужной шляпой. Здесь справедливость не была ниспослана свыше, здесь правила одна лишь природа.»

АННА БАСНЕР, «ПАРАДОКС ТЕСЕЯ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Дебютный роман Анны Баснер «Парадокс Тесея» ставит вопрос о подлинности произведений искусства и архитектурных памятников. Странствия античного Тесея продолжались так долго, что на корабле приходили в негодность одна деталь за другой. Постепенно меняя их, Тесей технически вернулся совсем не на том корабле, на котором уходил в море. Этот роман — о подпольной группе петербургских реставраторов, которые надевают оранжевые жилеты и становятся невидимыми и безнаказанными. Как в классических детektивах, костюм посыльного или официанта делает убийцу невидимым для общества, так жилет снимает все возможные вопросы о том, почему его обладатель расчи-

щает закрашенные витражи, восстанавливает лепнину или метлахскую плитку в парадных. Анна Баснер умело комбинирует жанры: в «Парадонсе Тесея» есть черты и производственного романа (что мы хотели знать о профессии реставратора, но стеснялись спросить), и плутовского, и психологического.

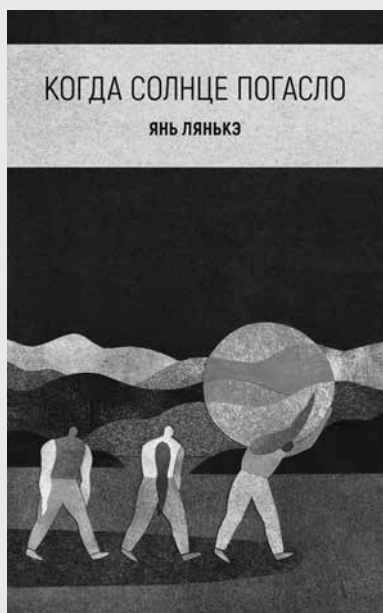
Сорокалетний художник, реставратор и раздолбай Нельсон, зарабатывающий на жизнь изготовлением сувенирного ширпотреба для туристов, под влиянием череды обстоятельств вместе с единомышленниками организует подпольную артель добровольцев-реставраторов. Они решают восстановить парадный зал в одном из разрушающихся городских особняков и во время работ обнаруживают тайник с неплохо сохранившейся картиной, которую еще предстоит атрибутировать. Этот роман — о приключениях движения ХАРМС — художественно-анархической реставрационной мастерской Санкт-Петербурга, о принятии сложных и ответственных решений, о восстановлении города, отношениях с другими людьми и собственным телом. И о подлинности, конечно: памятников старины, произведений искусства, а еще человеческих чувств и эмоций. Можно ли восстановить то, что разрушено временем или людьми? Будет ли восстановленное подлинником или навсегда останется копией, лишенной оригинала, бодрийеровским симулякром?

«После первого обжига перед Нельсоном встал вопрос, покрывать ли плиточный полуфабрикат глазурью для защиты цвета. Так-то метлах не глазурировали: за счет особого состава красящий пигмент уходил глубоко, почти на половину толщины плитки. Потому ее поверхность и не тускнела от тысяч шагов и шарканий в дореволюционных парадных — на месте стертых слоев проступал следующий, нетронутый. В условиях мастерской, однако, технологию немецких заводов воспроизвести было проблематично. Нельсон мудрить не стал и залил плитку прозрачной матовой глазурью.

После второго, полнотого, обжига фальшметлах был готов. Нельсон с нарастающей гордостью любовался делом своих рук. Исторический образец из парадной рядом с чистенькими и пригожими, в буквальном смысле свежеспеченными, плитками заметно поблек — ни дать ни взять подурневшая с годами жена художника на фоне портретов, написанных в юности. Нельсон даже задумался, не состарит ли ему новую плитку искусственно, но она была настолько прянично хороша, что он не решился. Наверное, если основательно отдраить пол в парадной, разница будет не так сильно бросаться в глаза, а со временем вовсе исчезнет».

ЯНЬ ЛЯНЬНЭ, «НОГДА СОЛНЦЕ ПОГАСЛО» (POLYANDRIA NOAGE)

Граница между сном и реальностью — вечная тема в литературе. Романтики с ее помощью реализовывали мотив двоемирия, сны Веры Павловны демонстрировали нам процесс становления женщины новой генерации, сны Раскольникова подчеркивали его внутренний дисбаланс, постмодернисты ставили вопрос о подлинной и мнимой реальностях. В романе обладателя множества литературных наград Яня Ляньнэ «Когда солнце погасло» реализована традиция пугающего двоемирия: небольшой китайский городок в одну из летних ночей охватывает странная эпидемия сомнамбулизма. Уснувшие и потому лишившиеся самоконтроля люди начи-

нают совершать поступки, которые хотели, но запрещали себе совершить наяву. Город оказывается во власти доселе подавляемых тайных желаний, и все они весьма пугающи. Лянькэ показывает общество, начисто лишенное моральных установок и социальных ограничений, общество, в котором больше не существует запретов и личных границ. Любопытно, что в романе присутствует и авторское намео — писатель Янь Лянькэ, чьи книги с удовольствием читает мальчик-нарратор (с очень специфической манерой повествования) Няньнянь. Его родители владеют магазином ритуальных принадлежностей — и тема двоимирия реализуется в романе еще на одном уровне: не только сон — явь, но и жизнь — смерть. Одна из локаций романа — крематорий, который становится одновременно и вместилищем ужаса, и своеобразным чистилищем. Книга о социальных правилах и приличиях, коллективной вине и личной ответственности, природе зла и понятии нормы как таковой. Будет страшно, слишком физиологично, но очень интересно.

«— Вы снобродите. — Мой отец шагнул к двери. — Вы снобродите, вам бы умыться или чаю себе заварить — умоетесь, чаю выпьете и проснетесь. — Отец зашел в комнату, встал возле столика, за которым сидели хозяева. — Староста, тебе пора просыпаться. Пора придумать средство, чтобы люди нынче ночью не спали. А то засыпают и идут снобродить. А как пошли снобродить, жди беды. Есть покойники. Много покойников. Кто в протоке утопился. Кого обокрали, ограбили, убили. Люди помирают, если ты будешь сидеть сложа руки. Деревня с городом так и кончатся. Совсем кончатся. — Договорив, отец пошел искать в старостином доме тазик для умывания. Набрал воды, поднес старосте умыться. — На вот, умойся. Просыпайся скорее и ступай наводить порядок. Нельзя сидеть тут и ждать, пока вся деревня вымрет».

АБРАХАМ ВЕРГЕЗЕ, «ЗАВЕТ ВОДЫ» («ФАНТОМ ПРЕСС»)

Праздник на улице поклонников «Рассечения Стоуна»: спустя 15 лет выходит роман «Завет воды» об Индии в XX веке, медицине и семейных тайнах. Керала — родина предков писателя, и именно здесь разворачивается действие его романа: земля, где христиане соседствуют с коммунистами, где говорят на своем языке, а новорожденного младенца называют Лениным. На протяжении нескольких сотен страниц (или тридцати часов звучания аудионниги) мы наблюдаем происходящие со страной трансформации: отступающий старый уклад и нарождающиеся новые порядки. Путь от колонии к независимости, революционеры-наксалиты, рутинный сельский быт и родовое проклятие — Вергезе замешивает крутой сюжетный коктейль и не оставляет читателю ни единого шанса остаться равнодушным или потерять нить повествования. Время — быстротекущее и неостановимое — уподобляется потоку воды. Вода питает все живое, становится одновременно основой основ и испытанием, а еще — центральной метафорой романа (даже генеалогическое древо здесь названо водяным). Врачебное дело Вергезе не остается в стороне и в этом романе — развитие медицины отражает развитие общества, чем больше возможностей спасти жизни, тем более развита цивилизация. «Завет воды» — семейная сага, рисующая жизнь трех поколений ортодоксальной семьи христиан Святого Фомы. Двенадцатилетняя девочка, выданная замуж в 1900 году за сорокалетнего вдовца, вопреки всем ожиданиям оказывается не безвольной жертвой, но основательницей рода, матриархом, Большой Аммачи (Большой матерью). Ее сын станет писателем, а другие члены семьи — врачами, но справиться с семейным недугом, смертью некоторых родственников от таинственного «состояния», оказывается, не так просто.

Новый роман Вергезе — это прежде всего книга о надежде. И о способности работать и жить, преодолевая ужасные порой несчастья и лишения, не опускать руки, находить смысл существования. Всегда находить смысл существования.

«Добраться до владений Мюллера оказалось той еще задачей, и, пропоров последнюю запасную шину, оставшуюся часть пути они пробрели пешком в тумане. Что я тут делаю? — удивляется Дигби. Ясно, что хирургом он больше работать не сможет. Но он так долго был сосредоточен на хирургии, что попросту не представляет себя в какой-либо иной области медицины. Будущее в роли плантатора кажется даже более заманчивым, чем служба врачом общей практики, раздающим мази и настои наперстянки и принимающим по сотне пациентов в день. Если он бежит от прошлого, то эти горы отличное место, чтобы спрятаться, не хуже любого другого. Дигби, с трудом переводя дыхание, бредет следом за Кромвелем. Если Мюллер примет предложение консорциума, план состоит в том, что Дигби — с Кромвелем в роли управляющего — будет руководить поместьем и со временем получит часть земель в награду за свои усилия. В общем, если Мюллер примет предложение, Дигби будет считать это знаком судьбы. Руки одобрил бы. Все, что может рука твоя делать, по силам делай».

